Д.В. Марьин
Алтайский государственный университет

Искусственные языки как модель в процессе лингвистических исследований

Одним из базовых методологических принципов интерлингвистики является признание искусственных языков в качестве полноправного и важного объекта лингвистического исследования. Искусственные языки в настоящее время представляют собой не столько практический, сколько значительный теоретический интерес, как для общей теории языка, так и для других лингвистических дисциплин. Многие вопросы, касающиеся принципов строения и функционирования искусственных языков, тесно связаны с основной проблематикой системно-структурных, в том числе, и дериватологических исследований естественных языков. В данном случае допустимо рассматривать искусственный язык (как некий идеализированный конструкт, отчасти учитывающий лингвистические универсалии и воплощающий оптимальные с коммуникативной и системной точек зрения черты естественных языков) в качестве своеобразной модели для наблюдения и изучения функционирования и развития определенных лингвистических явлений. Это, возможно, позволит не только объективно описывать, но в ряде случаев и прогнозировать аналогичные процессы в естественных языках. В качестве подобного искусственного языка оптимален выбор эсперанто. Эсперанто – язык апостериорного типа (построен на материале естественных языков), автономистический (заимствует из существующих языков отдельно корнеслов и систему аффиксов). Наличие разработанной системы словообразования дает эсперанто большие деривационные возможности и вместе с тем делает его простым и легким для усвоения. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ считал, что эсперанто обладает всеми признаками настоящего языка [Бодуэн, 1963, с. 154]. В настоящее время эсперанто характеризуется как «вспомогательный международный язык с полным объемом функций» [Григорьев, 1966, с. 40]. Как показали исследования эсперанто в отношении среднего числа слогов в слове (один из маркеров степени агглютинации), этот язык соотносится не только с основными индоевропейскими языками (английским, немецким, русским, латинским), но и с такими, как японский, арабский и турецкий, занимая среди них третье место в порядке возрастания среднего числа слогов на слово, после английского и немецкого [Фукс, 1957, с. 226]. Как и естественные языки, эсперанто испытывает изменения в фонетике, лексике, словообразовании. В настоящее время констатируется существование и развитие у эсперанто лингвокультурной, экстралингвистической составляющей [Мельников, 2004]. Таким образом, эсперанто принципиально не отличается от естественных языков. Эсперанто – язык аналитический, агглютинативный. Известно, что структура аналитического (агглютинативного) языка предстает как метаструктура по отношению к синтетическому (флективному) и может быть использована как таковая при анализе [Успенский, 1962, с. 37]. Наблюдения над словообразовательными процессами в эсперанто позволят сделать некоторые выводы и об аналогичных процессах в других языках, в том числе русском, а именно: неуклонный рост тенденции к агглютинации.

Эсперанто относится к языкам агглютинативного типа, он отличается «почти безусловной прозрачностью, чуждою языкам естественным» [Бодуэн, 1963, с. 156]. На принцип агглютинации ориентирована и вся система словообразования эсперанто. В эсперанто граница морфем строго и четко определена. Каждая морфема, будь то корень или аффикс, имеет точно определенное значение. Более того, аффиксы могут выступать в роли корня и наоборот. Например, префикс – **mal-** имеет значение «полная противоположность». Отсюда *bona* «хороший» → ***mal****bona* «плохой», *fermi* «закрыть» → ***mal****fermi* «открыть» и т.д., при этом прилагательное ***mal****a* означает «противоположный». Однако даже в таком языке, как эсперанто, степень агглютинации возрастает. К числу языковых явлений свидетельствующих об усилении агглютинации в эсперанто, можно отнести следующие:

1) <u>Активное имплицитное использование нулевой суффиксации.</u> «Очевидно, что при наличии семантически сложной основы средства выражения этой сложности должны заключаться в самой основе, хотя бы и в нулевой форме» [Лопатин, 1966, с. 78]. Нулевой суффикс способствует членимости слова, четкости границ между морфемами в дериватах, что необходимо при агглютинации. Развитие нулевой суффиксации происходит в двух направлениях:

А) *В рамках конверсии*: в эсперанто нулевой суффикс продуктивен при образовании ряда существительных. Например: *savi* «спасать» → *sav****ø****-o* «спасение» (**-o** флексия существительного), при этом *sav****ad-****o* – «спасание» [Бокарев, 1974, с. 382] (дериватов *savo* и *savado* нет в словаре 1929 г.). Аналогично в случае: *progresi* «прогрессировать» → *progreso* «прогресс», *progresado* «прогрессирование». Впрочем, возможно, что мы здесь имеем дело с переходным явлением от конверсии к нулевой суффиксации, о трудности разграничения которых в ряде случаев говорил В.В. Лопатин [Лопатин, 1966, с. 77].

Б) *Нулевая суффиксация в узком понимании*: при наличии материально выраженных формантов, данное словообразовательное значение выражается нулевой морфемой [Лопатин, 1966, с. 78]. Например, для эсперанто характерна модель: *gaja «веселый»* → *gaj****ec****o «веселье»* (**-ec-** суффикс со значением «свойство, качество»). Но при этом развивается параллельная модель: *blua «синий»* → *blu****ec****o* \ *blu****ø****o* («синева»); *bela «красивый»* → *bel****ec****o* \ *bel****ø****o* «красота» (в словаре 1929 г. зафиксирован только дериват *bel****ec****o* [Сутковой, 1929, с. 28]); *navigi «плавать»* → *navig****ad****o* \ *navig****ø****o «плавание»* (**-ad-** суффикс со значением «длительность действия») [Бокарев, 1974, с. 165, 79, 74, 299] и др. Интересно, что подобное развитие синонимов-дериватов наблюдается и в русском языке: *синий* → *син****ø****ь* \ *син****ев****а; раб* → *раб****ø****а* \ *раб****ыня****; поливать* → *полив****ø*** \ *полив****к****а.* Характерен и следующий процесс: образование междометий от знаменательных слов с помощью нулевой суффиксации: guto → gut! (капля → кап!), zumi → zum! (капать → кап!) и др.

2) <u>Наряду с лексическими способами образования новых слов активное развитие имеют аффиксальные.</u> Например, kuglingo – «гильза»[Nemere, 1994, с. 53], talpterajo – «норка крота», rulseĝo – «инвалидное кресло»[Lindqvist, 1962, с. 25, 27] и др. То же касается и словообразования синонимов. Так прилагательное *turpa* «некрасивый» не получило распространения и словарь рекомендует использовать производный синоним ***mal****bela* ← *bela* «красивый» [Бокарев, 1974, с. 444]. В целом можно констатировать существование стойкой тенденции к образованию синонимов аффиксальным способом. Так, наряду с формами *bovo* «бык» и его коррелятом женского пола *bov****in****o* «корова» (**-in-** суффикс со значением «лицо женского пола»), при наличии синонима *taŭro* [Сутковой, 1929, с. 31,173], развился дериват ***vir****bovo* «бык» (**-vir-** корень со значением «мужчина, лицо мужского пола»). Такая тенденция действовала на протяжении всего XX в. Если эсперанто-русский словарь 1929 г. зафиксировал лишь форму *ansero* «гусь» (даже без коррелята женского пола) [Сутковой, 1929, с. 19], то в 1974 г. словарь наряду с

формами *ansero* – *anser**in**o* «гусыня» отмечает и дериват ***vir**ansero* «гусак»[Бокарев, 1974, с. 52, 458]. Аналогично в случае *abelo* «пчела» → ***vir**abelo*, *abel**vir**o*(!) – *abelino* [Бокарев, 1974, с. 31, 458] (последних трех форм нет в словаре 1929 г.). Морфема **vir** выступает здесь уже и как суффикс, и как префикс. Синонимы, образованные аффиксальным способом более употребительны благодаря развитым словообразовательным связям.

Замечено, что естественные языки в ходе своего развития претерпевают своеобразную типологическую мутацию. В частности, флективные языки стремятся к агглютинативным и изолирующим, т.е. от синтетизма к аналитизму. Наиболее наглядно этот процесс отражен в системной типологии Г.П. Мельникова, совмещающей черты структурной и стадиальной типологий: от инкорпорации (корнесинтетизма) через эргативные языки к агглютинативным или флективным и далее – к корнеизоляции [Мельников, 2003, с. 125]. Возможен вариант развития от флективных языков к агглютинативным. При этом многие лингвисты считают, что агглютинативные языки устойчивы, это один из путей к энтропии языковой системы. «Эти языки стабильны, и возможность их какого-либо дальнейшего развития маловероятна» [Танака, 2001, с. 320]. Но последнее утверждение, на наш взгляд, может быть оспорено на примере эсперанто. Созданный на материале **флективных языков**, он в настоящее время определяется как **агглютинативный** или **изолирующий** (если следовать принципу Заменгофа о равенстве корневых и служебных морфем) [Успенский, 1962, с. 26]. Эсперанто, таким образом, полностью укладывается в рамки системной типологии Мельникова. Итак, можно сделать предположение: так как процесс усиления агглютинации осуществляется в языке искусственно созданном, то он, вероятно, будет наблюдаться и в естественных языках – агглютинативных и флективных, например, в русском, языке флективного типа.

Отклонение от флективного строя в славянских языках замечено давно, но относилось это главным образом к болгарскому и македонскому языкам [Бодуэн 1963, с. 29], [Леков, 1956, с. 24]. В настоящее время некоторые лингвисты констатируют в современном русском языке постепенное однонаправленное движение в сторону агглютинации и аналитизма [Земская, 2004, с. 525]. Рост аналитизма проявляется в активизации конструкций с предлогом, в ослаблении склонения, особенно у числительных и, отчасти, существительных, что проявляется в частом употреблении именительного падежа вместо косвенных. Еще в 70-х – 80-х гг. XX в. мы бы сказали: «Он расплатился двумя тысячами тремястами пятьюдесятью шестью рублями». В начале XXI в. говорят: «Он заплатил две тысячи триста пятьдесят шесть рублей». Кстати, в эсперанто также наблюдается утрата падежей: в реформированном эсперанто (идо) показатель винительного падежа, единственного различаемого синтетически, является факультативным и употребляется крайне редко. К агглютинативным (аналитическим) тенденциям в деривации можно отнести следующие явления:

1) <u>продуктивность нулевой аффиксации, а точнее нулевой суффиксации, как более характерной для русского языка</u> [Лопатин, 1966, с. 82]: *синь, заика, отгул, вынос*, из неологизмов: *стёб* ← *стебать* «ёрничать», *замес* ← *замесить* «создать ситуацию» и т.д. В.В. Лопатин еще в 60-е гг. XX в. указывал на активные продуктивные возможности нулевой суффиксации. Действительно, в конце XX в. словообразовательная модель с нулевым суффиксом – одна из самых продуктивных в русском языке [Кузнецова, Ефремова, 1986, с. 579]. Нулевая аффиксация улучшает членимость основ, уточняет границы морфемных швов, создает благоприятные условия для агглютинации;

2) <u>активизация словообразования с помощью иноязычных преф*иксов*</u>: контр-, анти-, псевдо-, пост- и т.д. Например: ***контр**террористическая* / ***анти**террористическая* (*операция*), ***пост**праздничная* (*атмосфера*), ***псевдо**звезда* (*эстрады)* и

др. В подобных случаях не происходит никаких изменений на границе морфем, сохраняется прозрачность морфемных стыков;

3) продуктивность словообразования от аббревиатур: ***PR**-щики*, ***КВН**щики* (а не *кавээнщики*), ***агу**шный* (от *АГУ*), ***бомж**иха* (а не *женщина-**бомж***, употреблявшееся в 90-е гг.), ***бомж**еватый, **ГАЗ**елист* и др.;

4) образование «аналитических прилагательных» [Земская, 2004, с. 524]. Например: ***компакт**-диск*, ***поп**-музыка*, ***бизнес**-ланч*, ***SMS-**ка*, ***DVD-**плеер*, ***VIP**-персона*, ***VIP**-самолет*, ***web-**страница* и т.д.

5) ослабление чередований на морфемном шве, поддерживаемое явлением интерфиксации: *кофе-**j**-ник*, *шоссе-**j**-ный* и т.д. Интерфикс повышает членимость слова, устраняет открытость корня, является показателем границы морфем, и в итоге выполняет разграничительную функцию [Земская, 2004, с. 58].

6) включение иноязычных слов в словообразовательные связи с помощью исконных аффиксов*: рэйдер → рэйдер**ств**о* (ср. в английском языке: raider → to make raids).

Таким образом, движение русского языка к агглютинации (и шире – к аналитизму) в области словообразования допустимо рассматривать как следствие общесистемных эволюционных тенденций, которые в целом свойственны языкам независимо от их естественного или искусственного происхождения. Интерлингвистические данные в области наблюдения за функционированием искусственных языков, в частности, эсперанто, могут способствовать объяснению и, возможно, прогнозированию подобных тенденций.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Вспомогательный международный язык // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды: В 2 тт. М., 1963. Т. 2.

Бокарев Е.А. Эсперанто-русский словарь. М., 1974.

Григорьев В.П. О некоторых вопросах интерлингвистики // Вопросы языкознания. 1966. № 1.

Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.

Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Леков Н. Отклонение от флективного строя в славянских языках // Вопросы языкознания. 1956. № 2.

Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. № 1.

Мельников А.С. Лингвокультурологические аспекты плановых международных языков (на фоне этнических языков). Ростов н/Д, 2004.

Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003.

Сутковой В.Г. Эсперанто-русский словарь. М., 1929.

Танака К. Новый подход к изучению агглютинативных языков в свете креолистики // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. М., 2001.

Успенский Б.А. Принципы структурной типологии. М., 1962.

Фукс В. Математическая теория словообразования // Теория передачи сообщений. Труды Третьей международной конференции. М., 1957.

Lindqvist K. Ferio kun la morto. AABYOJ: Dansk Esperanto-Forlag, 1962.

Nemere I. Nesto de viperoj. Moskvo, 1994.